

Посвящается всем, кто отыщет в этой истории себя.

Спасибо, что вы есть (:

◆ пролог →

Черный ящик, фикция и три палача

— Скажите, Элеонора, что вас вдохновило на эту книгу?

Эля слегка опускает голову и тянется левой рукой к правой стороне шеи. Она понятия не имеет, как такой жест растолковали бы специалисты по паралингвистике, да и знатоки из «Что? Где? Когда?» не смогли бы определить, что в черном ящике ее эмоций прямо сейчас. Говорят, что правду легче всего сказать в шутку, а ей кажется, проще о ней написать песню, короткий емкий твит или целую книгу — она порой использует все возможные опции — про то, что вслух не произнесешь, даже наедине с собой.

— Жизнь. — Эля пожимает плечами, прекрасно понимая, что так отвечает каждый первый. — Она подкидывает такие сюжеты, что любая фантазия уступает.

— Значит, книга основана на реальных событиях? — Модератор презентации на секунду запинаясь, словно решает в своей голове сложное уравнение совести, но сдаётся и продолжает: — Из вашей собственной жизни?

Эля усмехается, приоткрывает рот, чтобы ответить, но на выдохе снова получается только смешок — и никаких слов. Она чувствует, как все ждут ответ, как пристально смотрят из зала виновники торжества — ничья история ведь не идет в одиночку. Так и эта книга выросла из переплетений и перекрестков, из судеб людей, которых не хотелось бы обидеть вот такой нелестной правдой, упакованной в твердый переплет с сентиментальным названием «По ветру».

— Вся жизнь, которая хоть как-то со мной соприкасается, — моя, так что ответ на ваш вопрос: да. — Зал то ли охает, то ли гудит в предвкушении. Есть особое наслаждение в том, чтобы украдкой заглянуть в чужую жизнь. И книги — идеальный инструмент, ведь автор вроде как сам разрешил. — Но это не мемуары и не автобиография, это — фикция.

Саркастичное хмыканье она даже не слышит — рисует в своей голове. Потому что знает, что там, в зале, кое-кто сейчас именно так и сделал. Другой человек сгорбился, прячась в воспоминаниях, как в броне. Третий — улыбнулся. Три ее личных зрителя и палача ждут, что она скажет дальше.

Весь остальной зал ожидает того, что она никогда не произнесет.

Модератор сверяется с планшетом и продолжает:

— История начинается в родительском доме Стрельцовых...

Святое место, самодостаточный Хьюстон и клятая доставка

Родительский дом светился пылающими окнами, как новогодняя гирлянда — коих, кстати, было с лихвой навешано на голых ветках садовых деревьев. Смотрелось это угрюмо: тонкие, угловатые, темные палки в окружении мерцающих огоньков — странная попытка оживить то, что всю зиму должно быть мертвым.

Эля вжала ладонь в центр руля, морщась то ли от неприятного звука клаксона, то ли от того, что братец снова игнорировал ее попытки въехать во двор. Бросать машину у калитки не хотелось, а чипа от ворот у нее давно уже не было. Спустя еще минуту тяжелые металлические ставни все же отворились, разрешая Эле вкатиться внутрь, словно она прошла фейсконтроль и была допущена в это святое место. Так уж повелось, что язвить по поводу семьи, их общего некогда дома и всей этой родовой темы разрешалось по бóльшей части только ей: все давно свыклись с ее «дурным» характером и манерой разговаривать, не упуская возможности вставить шпильку-другую.

Пока Эля выбиралась из машины — отстегнуть ремень, снять с держателя телефон, забрать сумку с пассажирского кресла, — ворота за ней закрылись, отрезая от довольно шумного минского пригорода. У нее всегда складывалось именно такое ощущение, с самого детства, словно за периметром их участка идет какая-то другая жизнь, а здесь, у них, и время течет по-другому, и все кажется каким-то отстраненным и не имеющим к миру никакого отношения.

— Привет, — послышался мягкий голос из-за плеча.

— Белка? — Эля уставилась на сестру, словно та как минимум восстала из мертвых, а не смотрела на нее из-под отросших завитков челки. — Тебя сюда каким ветром? Мишка оформил возврат?

— Ох, Элеонора Александровна, — сестра вздохнула, оставляя без ответа последний пассаж. — А сама как оказалась здесь?

— Была недалеко. — Машина отозвалась резким звуком сигнализации, и Эля спрятала ключи в карман. — Домой ехать долго... Уже поздно, а я еще и голодная, как стая гиен!

— Ты надеялась найти здесь еду? — Белка захихикала. — Эль, родители второй месяц как филиал компании открывают бог знает где, а Тёмыч, как ты помнишь, не так уж преуспевает в домашнем хозяйстве.

— Знаю я, в чем преуспевает Тёмыч. Пошли уже, мелочь!

Широкими шагами измеряя дорожку от гаража к крыльцу, Эля смотрела в спину младшей сестре и не понимала, как та оказалась здесь. Они, конечно, все могут приезжать в «родовое гнездо» и оставаться здесь сколько захотят, но у Белки был же-

них — Мишка, с которым они сто лет как жили вместе. Летом ожидалась красивая и мало кому нужная свадьба, все вроде хорошо... Эля оглянулась в поисках машины будущего того-она-не-помнит-как-нужно-называть, но ни у гаража, ни дальше на участке ее не оказалось.

Тёмыч тоже в последнее время был нечастым гостем в этом доме. Он с его барышней — Эля морщилась от этого слова почти так же сильно, как от эпичного и отвратительного «кавалер», но по-другому называть ее не получалось — большую часть времени проводили вместе, периодически искали новое общее жилье — когда не находились в стадии «давай-расстанемся-купи-мне-сок». Видимо, сегодня — как раз один из таких периодов.

Эля представить себе не могла более непохожие друг на друга пары: Тёмыч с его Варей, с их бесконечными американскими горками и стопроцентными эмоциями в любую из сторон, и Белка с Мишкой (тут даже имена как перечень мягких игрушек в детском отделе — нарочно не придумашь!), с их долгоиграющей историей, взаимопониманием, нежностью и спокойствием. Сама Эля возвышалась над всем любовным многообразием незыблемой глыбой цинизма и недоверия. У нее не было за спиной печальной истории, никаких разбитых сердец — разве что парочка надколотых. Не тянуло ее никогда ни в стабильные отношения, ни в драму — этого сполна раздали младшеньким. Первый блин ее родителей — Элеонора Александровна Стрельцова — вышел саркастичным и не больно нуждающимся в любви комом.

— Так что все-таки случилось? — бросила она в спину сестре, надеясь, что в ответ получит какую-нибудь не слишком

печальную историю: беспокойство скреблось тонкой иголкой где-то в области груди — не зря же они все внезапно оказались в родовом гнезде. Обнадеживало только то, что Белка выглядела вполне спокойной — несчастные люди всегда либо отчаянно горюют, либо прикидываются нормальными. Как правило, последнее выходит у них из рук вон плохо, но все в ответ подыгрывают — так уж заведено.

— Да ничего не случилось, Эль, — вздохнула Белка. — У нас ремонт, пыль там, строители... А чтобы деньги не тратить еще и на временную квартиру, я переехала сюда, а Мишка — к брату. Родители все равно в этой своей длительной командировке, так что я спокойно обитаю тут. Давно уже, кстати, просто ты не сильно вникаешь в наши дела.

— Сделаете вид, что до свадьбы ни-ни? — Эля пропустила мимо ушей упрек: сегодня был тот самый день, когда любая мелочь могла ее добить либо же превратить в остервенелую фурию. И то и другое — так себе ощущения и для нее самой, и для окружающих.

— Даже если бы и хотели, твой длинный язык не позволил бы такой наглой лжи пробиться на свет. — Белка с возрастом научилась жалить в ответ — тонко и очень легко, в рамках приличия образцовых дочерей и невест. — Просто немного проживем порознь — я хоть свадьбой займусь нормально, не прячась от Мишки по ночам на кухне.

— А этот? — Эля кивнула в сторону двери, которую Белка вот-вот должна была открыть. — Тоже решил пожить немного порознь со своей?

Белка резко остановила потянувшуюся к двери руку и обернулась к сестре. Ее узкое личико показалось в вороте пальто — обеспокоенное и серьезное.

— У них там все нехорошо... Знаю, ты терпеть не можешь Варю, но прошу: не стеби Тёмыча. И лучше не расспрашивай: сдержанность свои комментарии ты все равно не сможешь, а он и так побитый весь какой-то.

— Вот поэтому я ее и не люблю, — Эля зашипела, то ли чтобы Тёмыч не расслышал их разговор, то ли от кипящей внутри злобы, обжигающей язык. — Она с самого начала вела себя как...

— Эля, прошу, — Белка посмотрела на нее так, словно каждое следующее слово могло обидеть ее лично.

— Не лучшим образом. Но ладно, я попробую сдержаться — в дом-топустишь? Или для меня нет места в этом приюте пылающих сердец?

— Ты иногда бываешь такой отвратительной, Эль.

— Иногда? Теряю хватку, мелочь, теряю хватку.

Белка легко впорхнула в дом, на ходу сбрасывая пальто. Тонкая, звонкая, милая, практически идеальная — Эля шутила, что младшая дочь стала для родителей компенсацией за все страдания. Хотя, конечно, Тёмыч тоже вполне правильный и даже менее проблемный, чем она сама. Или просто он лучше маскируется? В общем, в их семье старая присказка про трех братьев — от умного до дурака — сложилась с точностью до наоборот. Эля с какой-то извращенной радостью приняла на себя роль паршивой овцы и старательно поддерживала образ: в свои тридцать с хвостиком совершенно не походила на взрослую и спокойную леди,

как мечталось маме, занималась рекламой и немного писательством, жила на полную катушку и обходила стороной все «надо» и «так принято». Быть неудобной оказалось очень удобно: когда от тебя ничего не ждут и не требуют, это крайне развязывает руки. В случае с Элей — руки, язык и многие другие части тела.

Приглушенный свет прихожей, полочка с домашними тапочками, кованая вешалка с широкой скамьей. Все менялось в этом доме, преобразовывалось, подгонялось под моду и стандарты нового десятилетия, а Эле казалось — ничего не меняется, все родное. Кроме запаха пиццы, который заполнял пространство вокруг, — видимо, мелкие решили не заморачиваться и заказали доставку. И, честно говоря, Эля радовалась такому повороту: еще немного — и она бы принялась сметать все съестное на своем пути.

— Малая, и ты приехала? — Тёмыч по-свойски сгреб ее в охапку. От него пахло сигаретами и морозом: он только что вернулся в дом со двора. Густая борода колола щеки Эли, но определенно придавала брату солидности и какой-то деловитости.

— Надеюсь, тут никого не будет! Когда мы так последний раз сталкивались? На какой-нибудь праздник год назад?

— Вообще-то месяц назад, Эль, когда отмечали нашу помолвку.

«Нашу помолвку». Белка могла сказать «мою», но выбрала это обезличенное приторное «нашу». Словно она уже и не личность вовсе, а так — запчасть от махины имени Михаила Моло-

това. Эля не видела в этом ничего романтического и милого, но делиться наблюдениями с сестрой не стала. Белка с Тёмычем были по другую сторону баррикад — вечно влюбленные, жаждущие состариться с кем-нибудь и всю жизнь использовать общие вещи, мечты и местоимения. Затевать новый спор не имело смысла: все трое выросли одинаково упрямыми и слишком хорошо знали позиции друг друга, чтобы уступить.

— Точно! Ладно, пошли есть, пожалуйста! А то больше все вместе мы точно никогда не соберемся — разве что через три дня на мои поминки.

— Эля! — почти одновременно воскликнули младшенькие, только если Белка вложила в ее имя гнев и усталость, то Тёмыч — снисхождение и немного веселья. Хотя брат мог просто не слышать всей шуточки: хорохорился он славно, но постоянно выпадал из реальности. Может, Белка и не замечала всего этого или просто не осознавала, но их брата словно выключили из розетки и существовал он на остатках заряда и плохоньком автопилоте. А значит, все было куда хуже, чем просто «нехорошо».

* * *

— Да положите вы уже свои телефоны, зомби жующие! — Эля недовольно ворчала, вытягивая из коробки очередной кусок гавайской пиццы. — Уткнулись, блин, и молчат.

— А ты прямо поговорить хочешь?

— Да, Тёмыч, хочу.

Нет, Эля не хотела. Она устала на работе, поцапалась с друзьями, послала всех к черту и приехала сюда, ожидая найти полную

тишину и мамины припасы в кладовой. А нашла чуть ли не всю семью, да еще и со своими проблемами. Как раз из-за последнего она и пыталась расшевелить младшеньких, иначе внутренние монстры и непрошенные мысли сожрут их одного за другим. И начал с Тёмыча — Эля помнила, как все может быть.

— Какие планы на выходные?

Тёмыч скептически покосился на нее, не веря во внезапно вспыхнувшие энтузиазм и интерес.

— На свадьбу мне завтра.

— К кому?

— К другу, Эль. С тобой все нормально?: Ты какая-то странная.

— Язвишь — не нравится, пытаешься быть нормальной — не нравится. Мать моя женщина, как же вы достали.

— Мать наша, общая, — поправил Тёмыч и ухмыльнулся. — Нормальность не для тебя, малая. Оставь это Белке.

— А что сразу Белка? Из ваших уст «нормальная» звучит как оскорбление. Я что, не могу быть спонтанной или интересной?

— Мелкая, ты — самая лучшая! — поспешил успокоить ее Тёмыч. — И нормальная — в лучшем значении слова.

— Перевожу: ты спокойная и адекватная, фортелей — как от нас — от тебя можно не ждать, — добавила Эля. — И слава богу.

— Ты не веришь в бога, Эль, — мрачно парировала Белка. — Вот вы вроде пытались меня подбодрить, а ощущение — словно в помоях изваляли. А еще семья.

— Идеальные семьи только в рекламах, мелочь. Это я тебе как рекламщик заявляю. А в жизни — настоящие. Сплошная головная боль, подколы и споры. На том и держимся.

Вечер стремительно исправлялся: они ступили на привычный лед своих странных семейных отношений, заняли давно прописанные роли. После обычно лился поток шуток, устраивались дурачества, сыпались дикие предложения, чем себя занять. Но сегодня все пошло наперекосяк: телефон Тёмыча коротко вздрогнул, по щелчку меняя атмосферу в доме. Брат напрягся, рывком схватил мобильник и уставился в экран, превратившись в сурового взрослого мужчину вместо молодого, вечно задорного парня. Его взгляд бегал по сообщению хаотично — словно он не понимал написанного, перечитывал и перечитывал, стараясь вникнуть и не желая верить. Спустя долгих полторы минуты он зажмурился, видимо, надеясь, что ему просто привиделась какая-то жесьть на экране. Открыв глаза, Тёмыч со свистом втянул воздух — как бывает, когда собираешься кричать, — молча встал и, не глядя на сестер, вышел на заднее крыльцо. Эля уловила огонек сигареты через тонкую бежевую штору.

— Я когда-нибудь волосы ей повыдергиваю!

— Думаешь, это от Вари? — Белка отрывала маленькие кусочки от салфетки и выкладывала их узором на столе — она всегда так делала, когда переживала.

— Нет, конечно, это его по рабочим вопросам так размазало за минуту! Белка, ну блин! Эта девка доведет Тёмыча — будет как в прошлый раз!

— Эля, тише. — Сестра с опасением посматривала в окно: не слышал ли их разговора виновник торжества. Эля могла поклясться, что брат сейчас и появления инопланетян не заметил бы.

— Что тише? Ты его видела вообще? — Эля откинула голову на спинку стула и закрыла глаза. — Почему он не может хоть раз влюбиться в нормальную девушку?

— Нормальную — это какую? — перебила ее Белка внезапно холодным ровным голосом. — Тебе самой от своей надменности не тошно, Эль?

— От вас тошно, — парировала Эля, вглядываясь в сестру. Что-то случилось и с ней — за двадцать пять лет Белка впервые так себя вела. Собрались, блин, все вместе. — От таких вот страданий. Хорошо ему сейчас? Что там опять натворила эта дура?

— Это называется «отношения», — устало вздохнула Белка, собирая волосы в хвост. — Всякое случается. Ссоры, обиды — нельзя без них, понимаешь? Хотя тебе проще осуждать с высоты твоего одиночного полета.

— Да, Белочка, мне зашибись в моем одиночном полете с трезвой головой и без желания сдохнуть.

Про два последних пункта Эля нагло врала, но сестре об этом знать не обязательно. Тем более в пылу этой дурацкой ссоры.

Белка с жалостью посмотрела на сестру, потом на силуэт брата за окном и вышла из кухни. Возможно, звонить Мишке — чтобы почувствовать себя лучше. Нормальная защитная реакция — напомнить себе, что ты не одинок, когда плохо кому-то рядом. А может — писать Варе, ведь, в отличие от Эли, Белка общалась со всеми друзьями Тёмыча. Элиными, кстати, тоже. Один из пунктов обязательной программы хороших девочек.

Эля убрала коробки со стола, вымыла посуду, прогулялась по дому, но тревога, поселившаяся в душе в тот самый момент, когда Тёмыч взял в руки мобильный, никак не унималась. Эля вытащила из шкафа папину старую куртку и спустилась на улицу. Брат сидел на лавочке у дома, бессмысленно пялясь в одну точку. У его ног собралась кучка окурков, которые при ближайшем рассмотрении оказались распотрошенными сигаретами — даже неприкуренными. Дело было дрянь.

— Остались еще живые? — Эля рухнула на скамейку рядом с братом, вытягивая уставшие ноги.

— М? — Тёмыч встрепенулся, несколько секунд бегая взглядом то по сестре, то по припорошенному снегом двору, пока суть вопроса продиралась сквозь его невеселые мысли. — Закончились.

— Пали в неравном бою с твоей тревогой, я бы сказала. Подожди, свои принесу.

Эля поднялась, окинула брата взглядом и решила прихватить ему плед потеплее: он почти час просидел на улице, запросто мог свалиться завтра с простудой. И выпить. Чисто из профилактических целей: иногда алкоголь работает временной батарежкой, тем самым слабеньким китайским пауэрбэнком, позволяющим ненадолго встрепенуться и выговорить все, что накопилось.

Уже через пять минут они делили зажигалку и пили коньяк из толстых широких стаканов — рюмки к этой патовой ситуации не подходили ни по каким канонам.

— Залезла в отцовские запасы?

— Обижает, — хмыкнула Эля в ответ. — У меня тут свои запасы имеются. Даже не спрашивай где — на то они и спрятаны, чтобы доставаться по крайне нужным случаям.

— А что сегодня за повод? — поинтересовался Тёмыч, то ли настолько потерявшись, что даже не заметил, как дал отмашку на все расспросы, то ли действительно позволяя сестре всунуть свой нос в его дела.

— А это ты мне расскажи, что сегодня за повод.

— Да нормально все, — вяло отмахнулся брат, и Эля медленно повернула голову, давая ему возможность рассказать все самому. Шанс остался неиспользованным.

— Ты Белке эту дичь можешь рассказывать или Варе своей. Нормально сейчас может быть только в том случае, если это твой клон или проекция, и тогда да, нормально, неплохо сработано. На тебя настоящего вот эта кучка... невеселого вещества мало похожа. Так что, Тёмыч, давай, колись — видишь, сама судьба привела меня сегодня домой.

Брат немного помолчал, распотрошил брюхо недокуренной сигареты. Лучше Минздрава работает, ей-богу! Тишина стояла непривычная. Обычно то у соседей гремит музыка, то у них самих веселье на полную катушку, а тут все застыло, замерло так, что дышать стало боязно — не спугнуть этот сонный покой.

— Мы с Варькой разошлись.

— Да ладно?! — наигранно удивилась Эля. — Вот сюрприз-то! Тёмыч, это я поняла еще по первому взгляду на тебя. А с учетом того, что погода меняется реже, чем вы разбегаетесь, это вообще ни разу не сюрприз.

— Есть такое, — смиренно согласился Артемий, усмехаясь. Щеки — те островки, что не заросли густой, темной, с рыжеватыми вкраплениями бородой, — раскраснелись, оживляя общий вид брата. Эля чувствовала, что ее собственное лицо тоже наливаётся краснотой.

— Но ни одно ваше расставание так не выбивало из тебя дух.

— Она с другим... живет.

Нервный смехок вырвался из груди Элеоноры быстрее, чем она успела его остановить. Варя и без того не была у нее в почете, но с каждой минутой сегодняшнего вечера желание как следует навалить этой неадекватной барышне росло в геометрической прогрессии.

— Давно?

— Недели две.

— А разошлись вы?

— Примерно тогда же.

— Вот дрянь! Тём, прости, конечно, но в какой вселенной это — нормальное поведение? Это... даже у меня в голове не укладывается, вообще никак!

— У меня тоже.

Эля, конечно, всегда знала, что за своих — порвет. Но сейчас она отчетливо понимала, что это не просто слова: она хотела найти эту идиотку и разорвать на куски, чтобы только не слышать мрачную глухоту в голосе брата.

— Вы виделись?

— На днях. Тут, на районе. Они живут в паре остановок...

— И ты ее встретил случайно? Тёмыч, тебе нужно отпустить все и не видеться с этой...

Эля могла еще много чего сказать и посоветовать, но разве нужны были Тёмычу советы? Разве он сам не понимал, что история разваливается на глазах?

— Мы завтра договорились встретиться.

— Зачем? Ты совсем больной, Тём? Тебе на свадьбу завтра — вот и иди себе!

— Из-за свадьбы и встречаемся.

— Только не говори, что ты ее потащишь туда! Если тебе очень нужна пара, то я с удовольствием...

— Остынь, Эль. У Вари мой костюм — мне нужно забрать его.

— И только?

Они оба знали ответ. Костюм, зарядка для мобильного, любимая чашка, наушники — без разницы, какой будет повод для встречи. Ни один десяток сообщений, ни сотни звонков — ничего не стоит одного короткого момента, когда можно взять человека за руку, посмотреть в глаза, почувствовать, есть ли что спасти, есть ли ради чего хранить наушники, чтобы встречаться, и встречаться, и каждый раз забывать их отдать.

— Ничему тебя жизнь не учит, Тём, ничему. — Эля одним глотком прикончила коньяк в стакане и поднялась на ноги. — Пошли спать. Завтра свадьба, костюм, день новый придет.

— Я еще посижу, — не глядя на сестру, откликнулся Тёмыч. Он вообще весь разговор лишь на секунды выныривал из своих тяжелых дум, чтобы ответить на вопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru